Алексей Смоленцев

«Божественный зов»
(Религиозные аспекты символизма в поэзии И. А. Бунина.
Православный взгляд)

Аннотация

Автор работы открывает в поэзии Ивана Алексеевича Бунина «элемент невидимый», в качестве которого предметом рассмотрения становятся категории «Бог» и «Божественное». В научный оборот введено понятие «атмосфера стихотворения» - то есть состояние внешнего мира, окружающего лирический субъект стихотворения. Предложена методика прочтения поэтического текста, когда присутствие Бога и Божественного определяется, через символ, в качестве которого у Бунина выступает определенная «атмосфера». Открытия в поэтическом пространстве, автор статьи подкрепляет обращением к прозе писателя, тем самым выявляя единство и целостность художественного акта Бунина.

«Божественный зов»
(Религиозные аспекты символизма в поэзии И. А. Бунина)

Достаточно широко распространен взгляд на творчество Ивана Алексеевича Бунина как на нечто традиционное, не выходящее за рамки классической литературы. Однако многогранность таланта последнего из русских классиков не позволяет судить о нем, единственно, как о представителе лишь реалистической школы. Об этом говорил, в частности, Владислав Ходасевич в своей речи по случаю присуждения Бунину Нобелевской премии: "... враг символизма Бунин осуществил самое лучшее, что было в творческой идеологии символизма - его творческую мечту, которая не всегда находила воплощение даже в поэзии символизма...". А более чем через тридцать лет после этого события, Александр Твардовский писал в предисловию к девятитомному Собранию сочинений И. А. Бунина: "... неверно было бы думать, что он так-таки ничего и не воспринял в своем стихе от тех виднейших поэтов его времени, которых он всю жизнь ругательски ругал... В развитии русского стиха... заслуги символистов бесспорны... Бунин не смог бы стать тем, чем он стал в поэзии, если бы только буквально следовал классическим образцам". Два таких разных поэта сходились в оценке неоднозначности бунинского творчества - это, само по себе, говорит уже о многом.

Современный исследователь творчества Бунина Юрий Мальцев отмечает: "У Бунина, например, как и у символистов есть целый ряд устойчивых символов, переходящих из одного произведения в другое: ночь, море, цикады, филин, пыль, парус, колокольня...Есть у Бунина (в рассказах начала века) и символы единичные: белая лошадь - символ прекрасной, беспощадной и равнодушной к человеку природы, старуха-нищенка - символ смерти... туман - символ непроницаемости тайны жизни, сосны - символ вечной жизни природы,

тишина - символ мировой гармонии, капитан - символ всевышнего...".(Ю. Мальцев. Бунин. "Посев". 1994 г.)

"В основе всего видимого есть элемент невидимый, но не менее реальный". Пожалуй, эти слова Бунина точнее всего определяют природу его символизма. Бунин использует символ для проявления "невидимого элемента". И в этом его коренное отличие от символистов-современников, которые напротив, пользовались символом для зашифровывания предмета или явления.

Одним из характерных примеров проявления невидимого в творчестве Бунина могут служить символы, обозначающие Бога и Божественное. Остановить свое внимание именно на этих проявлениях бунинского символизма интересно еще и потому, что Бог занимает в творческом космосе Бунина одну из ключевых позиций. Подтверждением этой мысли может служить первая глава "Жизни Арсеньева". Важно помнить, что этот единственный у Бунина роман не совсем обычное художественное произведение. Многие исследователи определяли его как роман автобиографический. Что может быть и не совсем верно, и против такого определения выступал сам Бунин. Однако вряд ли можно отрицать, что в этом произведении сформулированы основные эстетические и творческие принципы именно автора, а не какого-либо абстрактного героя. Все основные понятия человеческого бытия, которые впервые открывает для себя юный Арсеньев, так или иначе, связаны в его сознании с Богом. "Бог - в небе, в непостижимой высоте и силе, в том непонятно синем, что вверху, над нами, безгранично далеко от земли: это вошло в меня с самых первых дней моих..." Вспомним уже приведенную цитату о невидимом, но реальном. Следует оговориться, что речь идет не о религиозности Бунина. Этот вопрос представляется не менее сложным, чем вопрос о его модернизме и реалистичности. Поэтому и анализироваться будут те произведения, где Бог предстает как сокровенная душа, "которая всегда чудится человеческой душе в мире, окружающем ее".

Устойчивые и единичные символы, о которых пишет Ю. Мальцев - это то, что лежит на поверхности. Но в творчестве Бунина присутствуют и не столь явные и более сложные по построению, проявления символического начала. Примером тому может служить создание определенной атмосферы стихотворения, которая символизирует присутствие в ней некоего "невидимого элемента". В случае данного исследования это - Бог.

Что же составляет атмосферу стихотворения? Окружающий мир: природа, пейзаж, небо, море. Состояние окружающего мира: тепло, холод, ночь, день. Звуковая и цветовая палитры. Состояние лирического героя стихотворения.

Первоначально необходимо определить основные составляющие атмосферы стихов, в которых присутствие Бога не подлежит сомнению и явно обозначено. Что позволит впоследствии, в тех стихах, где невидимое не названо, тем не менее, определить его присутствие по выявленным нами признакам.

"Канун Купалы" - на вечерней заре Богородица собирает "Божьи травы". Во всем ощущение приближающейся ночи: "солнце на исходе", "пали тени".

Источником света в этом стихотворении является Божественное. Одежда Богородицы, "как туман бела", Ее "очи точно звезды", "золотой иконостас заката", "золотой венец по роще светит". Но свет здесь не яркий, не ослепительный. Тихий свет - звезды, туман, иконостас. Отсюда и нечеткость, размытость цвета "не туман белеет" - "белеет". Такое же пограничное состояние света и тьмы, только уже не вечернее, а утреннее, в стихотворении "Христос Воскрес! Опять с зарею...". Так же явственны реалии ночи: "ночи тень", "чернеют чащи бора", "в тени его сырой", "дышат свежестью ночной". Та же нечеткость цвета - "чернеют", "в синеющих долинах", "плывут туманы". И так же, носитель света - Божественное. О Воскресении Христа возвещают "лучи огнистые зари", горящие на "горных льдинах".

Из этих стихотворений можно сделать вывод, что Божественное у Бунина проявляется, как мягкий, сумеречный свет среди тьмы. Тени, туман, блеск, отблеск все - полутона.

Подобное же находим и в стихах, где Божественное лишь обозначено: "Неуловимый свет разлился над землею..." на присутствие Божественного указывает сравнение "белого пара лугов" с фимиамом, "Сумерки", "За все тебя, Господь благодарю...", "Разлив", "Кобылица", "Этой краткой жизни вечным измененьем...", "Старик у хаты веял, подкидывал лопату...", "Сторож". Перечисленные стихи интересны и звуковыми реалиями, окружающими присутствие Божественного. Они тоже не абсолютны. Это - тишина, но тишина с присутствием некоего звука. Однако звука не нарушающего, а лишь подчеркивающего общее безмолвие, оттеняющего его. В стихотворении "Неуловимый свет разлился над землею" останавливает внимание кажущееся противоречие: "Отчетливей кричат перед зарею/Далеко на степи перепела", и "Нет ни души кругом - ни звука, ни тревоги". Учитывая бунинскую точность и внимание к детали, это можно объяснить только тем, что в восприятии лирического героя, крик перепелов - часть тишины, один из ее оттенков. То же и в скрипе парома, и "звоне" лягушек в тростнике ("Разлив"). "...Так тихо в курене,/Что слышен треск подсохшего гороха..." ("Сторож"). Тишина - это возможность слышать. Напомним еще раз, что все рассматриваемые стихи имеют отношение к Божественному.

Поэтому можно предположить, что тишина у Бунина - это возможность слышать Бога. Отсюда - Бог у Бунина - в "неуловимом" свете и звуке. Божественному обычно сопутствуют свежесть, прохлада или тепло. Однако у Бунина не мало стихов, где выражены и крайние проявления - зной, холод. На этом стоит остановиться особо.

Наиболее характерны в этом отношении стихи: "Ночь", "И цветы, и шмели, и трава, и колосья...". В стихотворении "Канун Купалы" зной назван как прямой символ смерти: "А на утро срежут их косами,/А не срежут - солнце сгубит зноем". Так же в стихотворении "И цветы, и шмели, и трава, и колосья..." размышления о конце земной жизни связаны с полуденным зноем. Использование подобного символа есть и в стихах, где на первый взгляд отсутствует божественное: "На распутье" - "Дремлет полдень..." и тут же - "Жизнь зовет, а смерть в глаза глядит...". Вспомним кстати: "В полдневный жар

в долине Дагестана/ С свинцом в груди..." - Полдневный жар и Смерть. Так что такое символ? Открытие XX века или развитие традиций русской поэзии? Но не надо забывать, что у Бунина Бог и Смерть всегда рядом. То есть, сама Смерть является символом присутствия Бога. "Когда и как приобрел я веру в Бога, понятие о нем, ощущение его? Думаю, что вместе с понятием о смерти." ("Жизнь Арсеньева"). Символом смерти выступает у Бунина и холод. Холод с большой буквы. Это не мороз, а ледяное дыхание пространства, дыхание самой смерти. "Ледяная ночь, мистраль...", здесь на близость смерти указывает состояние лирического героя "мертвая печаль". Или стихотворение, где тоже, на первый взгляд, отсутствует Божественное "Норд-остом жгут пылающие зори". Здесь зной и холод перемешаны - жгут, во всем ощущение именно холода, "острей горит", а о смерти сказано как бы лишь намеком:" ... нет рыбаки воротятся не все...". В стихах, где Бог проявляется как Смерть - зной или холод; в тех же, где Бог явлен как Любовь - тепло или свежесть: "Матери", "В дачном кресле, ночью, на балконе...".

Окружающий мир, при обращении автора к Божественному, представлен у Бунина лесами, долинами, обязательной близостью гор, близостью водной стихии: моря или океана. Состояние сопутствующее лирическому герою - одиночество: "Что всем я чужд и говорю с тобой" ("За все тебя, Господь, благодарю"), "Никого в подлунной нет, только я да Бог" ("Ледяная ночь, мистраль...").

Тот факт, что нам удалось выделить некоторые закономерности в атмосфере стихов, в той или иной мере, касающихся Бога и Божественного, свидетельствует: это не просто описание природы, но создание символического образа. Подтверждение можно найти и у самого Бунина.

"Нет, не пейзаж влечет меня,
Не краски жадный взор подметит,
А то, что в этих красках светит:
Любовь и радость бытия."
("Еще и холоден и сыр...")

Любовь здесь - с большой буквы, не только потому, что стоит вначале строки, но потому что Любовь здесь - явление Божественного, как и в стихотворении "В дачном кресле, ночью, на балконе...", где Она тоже - с большой буквы. Еще одно подтверждение, высказанным предположениям, можно найти, обратившись к, уже упоминавшейся, первой главе "Жизни Арсеньева". Там мы находим все устойчивые признаки атмосферы, выделенной нами в стихах, и обозначенной как символическая. "Пустынные поля, одинокая усадьба среди них... Зимой безграничное снежное море, летом - море хлебов, трав и цветов... И вечная тишина этих полей, их загадочное молчание... Но грустит ли в тишине, в глуши какой-нибудь сурок, жаворонок? ... Вот вечереет летний день... я (совсем, совсем один в мире) лежу на...зеленой холодеющей траве, глядя в бездонное синее небо... тает в этой вогнутой синей бездне высокое, высокое белое облако... Сесть бы на это облако и плыть, плыть на нем в этой жуткой высоте... в близости с богом и белокрылыми ангелами, обитающими где-то там, в этом горнем мире!"

Тишина оттененная звуком (сурок, жаворонок), пограничное состояние времени суток (вечереет), одиночество лирического героя, море как символ безграничности пространства, горы, возникающие в воображении, при упоминании "горнего мира", облако, "холодеющая трава" - все детали уже обозначенной нами атмосферы.

Характерная особенность атмосферы, символизирующей Бога, у Бунина состоит в том, что каждая из ее составных частей, взятая в отдельности, - не более чем реальный штрих бытия. И только, будучи собранными вместе, эти штрихи образуют символ. Причем, соединение деталей носит не случайный характер, а системный.

Можно говорить об "устойчивости", определенной нами, символической атмосферы.

Любое исследование интересно в первую очередь тем, как оно может быть применено на практике, своим прикладным характером. Наше предположение о символичности атмосферы стихов И. А. Бунина, обращенных к Богу и Божественному, позволяет увидеть за пейзажными, на первый взгляд, зарисовками, философские размышления о гармонии человеческого бытия. Так, в стихотворении "Вечер" говорится о сиюминутном, существующем в данный момент счастье, которое человек просто не умеет заметить, счастье - в обыденности. Первый план стихотворения говорит о том, что счастье в осознании себя гармоничной частью окружающего мира "Я вижу, слышу, счастлив. Все во мне". Однако при более внимательном взгляде на текст, мы найдем детали, определенной нами, символической атмосферы: "день вечереет", "сияет облако", "гул молотилки слышен...", "пискнула... птичка", одиночество лирического героя. Что позволяет предположить мысль автора, о том что счастье - следствие понимания Божественного замысла о мире, умения ощущать постоянное присутствие Творца в окружающем мире и в душе человека. Конечно, подобное предположение можно сделать и не ссылаясь на символическую атмосферу. Однако, приведенное обоснование, делает предположение более взвешенным, переводя его из области мнений, в область, пусть спорных, но фактов.

На этом пути возможны и более серьезные доказательства. Например, вопрос о понимании Буниным Творчества и, как следствие, - проникновение в тайны творческого космоса самого Бунина.

Стихотворение "На высоте, на снеговой вершине..." - одно из ключевых для понимания творческих принципов Бунина. Лирический герой не пишет, а "вырезает" свой сонет на снеговой вершине. Сонет - общепризнанный символ совершенства поэтической формы. Клинок - отсылает нас к Лермонтову и Пушкину (одноименные стихи - "Кинжал").

"И весело мне думать, что поэт
Меня поймет. Пусть никогда в долине
Его толпы не радует привет."

Опять же - Пушкин - "Пусть толпа его бранит". Можно подумать, что Бунин в этом стихотворении отстаивает теорию "чистого искусства", искусства для искусства, понятного только собрату по перу. Это не совсем так. Обратимся

к атмосфере стихотворения. Горы - "снеговая вершина", "радостно сияет зимний свет", солнце, "изумрудная льдина", "глядело только солнце", "мой одинокий след" - состояние одиночества, полутона отсутствуют. Но в полутонах, Бог явлен у Бунина в мире, а здесь лирический герой приближается к Богу, мир остается внизу, в долине. Отсюда четкость света, и холод и солнце. Но свет солнца - радостный, он сродни свету огнистых лучей зари, которые возвещают о воскресении Христа ("Христос Воскрес! Опять с зарею..."). Однако холод, полдень, а сонет вырезан "в полдневный час" отсылают нас к символам Смерти. Но тем самым автор подчеркивает, что Творчество - это бессмертие. Смерть рядом в атмосфере стихотворения , но она не властна над строками вырезанными на вершине. Бог и Бессмертие - торжествуют. Именно Бог. "Лишь для того, кто на вершине..." имеются в виду не избранные, а Бог. Атмосфера стихотворения дышит четкостью, чистотой, холодом, радостным светом и свидетельствует о осознании божественной природы творчества. Не в этом ли кроется причина "поэтической холодности" Бунина, в которой упрекали его не только современники, но и многие исследователи творчества. Чем еще как не холодом должно веять от совершенства? Смерть и Бессмертие - два полюса, но и там, и там - холод. Это стихотворение не единично у Бунина, есть целый ряд стихотворений о природе творчества. И все они близки по духу. Так, стихотворению о поэзии - "Поэзия темна. В словах невыразима" Бунин дает заглавие "В горах". А слова " Пустой кремнистый дол, загон овечьих стад,/ Пастушеский костер и горький запах дыма" проникнуты библейской символикой, как и строки стихотворения "Поэту".

Во всем - осознание Божественной природы Творчества. И можно предположить что стремление творческого совершенства у Бунина было лишь частью общечеловеческого стремления: "Будьте совершенны, как Отец ваш небесный". Подтверждением может служить последний рассказ Бунина "Бернар".

"...Бог всякому из нас дает вместе с жизнью тот или иной талант и возлагает на нас священный долг не зарывать его в землю. Зачем? Почему?... Но мы должны знать, что все в этом непостижимом для нас мире непременно должно иметь... какое-то высокое Божье намерение... и что усердное исполнение этого Божьего намерения есть всегда наша заслуга перед Ним, а посему и радость, гордость." Говоря о Бернаре, о том, как он стремился к исполнению Божьего намерения, Бунин говорит и о себе. " Мне кажется, что я, как художник, заслужил право сказать о себе, в свои последние дни нечто подобное, тому, что сказал, умирая, Бернар." Здесь Бунин подводит итог жизни, творчества. И не ограничивается только реальными параллелями. Бернар - моряк. Но Бунин уже сравнивал своего лирического героя с моряком в стихотворении "Зов": "Да чутко встану я на голос Капитана". Это стихотворение датировано 1911 годом. Стихотворение "На высоте, на снеговой вершине" - 1901, "В горах" - 1916, "Поэту" - 1915. Говорить о случайном настроении здесь не приходится - мысль о Божественном предназначении творчества и о творческом вдохновении, как о исполнении Божественного замысла, сопутствовала Бунину на протяжении всего творческого пути.

В связи с "Бернаром", интересно рассмотреть стихотворение "Ледяна ночь, мистраль...". В нем узнаваемы все детали выделенной нами символической атмосферы. Горы, близость моря - мистраль: ветер с моря, полусвет, одиночество, холод, блеск. Смерть рядом - "мертвая печаль". В "Бернаре" настроение противоположное - воспоминание о радости полноты жизни. Однако пейзаж и в рассказе и в стихотворении одинаков. Горы, море, небо. Это говорит о едином пространстве. Только в "Бернаре" - радость пробуждения, а в стихотворении печаль ухода. В "Бернаре" Бунин подвел итог своего творческого бытия. А в стихотворении "Ледяная ночь, мистраль..." - человеческого.

Как видим, наше исследование дает не только возможность некоторых предположений о религиозной символике у И. А. Бунина, но и возможность построения новых концепций его творчества в целом.

(г.Самара, декабрь 1996).

Работа опубликована:

Смоленцев А.И. «Божественный зов» (Религиозные аспекты символизма в поэзии И. А. Бунина) / А.И. Смоленцев // «Воскресная школа». – М., 1999. – № 45 (117). – С.10-11.

и в адаптированном для научного издания виде:

Смоленцев А.И. «Ты приглядись, там не совсем темно…» (о некоторых аспектах религиозного символизма в творчестве И. А. Бунина) / А.И. Смоленцев // Метафизика И. А. Бунина : Межвузовский сборник научных трудов. – Воронеж, 2008. – С.51-61.

Об авторе

Смоленцев Алексей Иванович, родился 26 марта 1961г. (Воскресенье Пятой Недели Великого Поста), в г.Йошкар-Ола Марийской АССР. Живет в Краснодаре, член Союза писателей России (1997), кандидат филологических наук (2012).